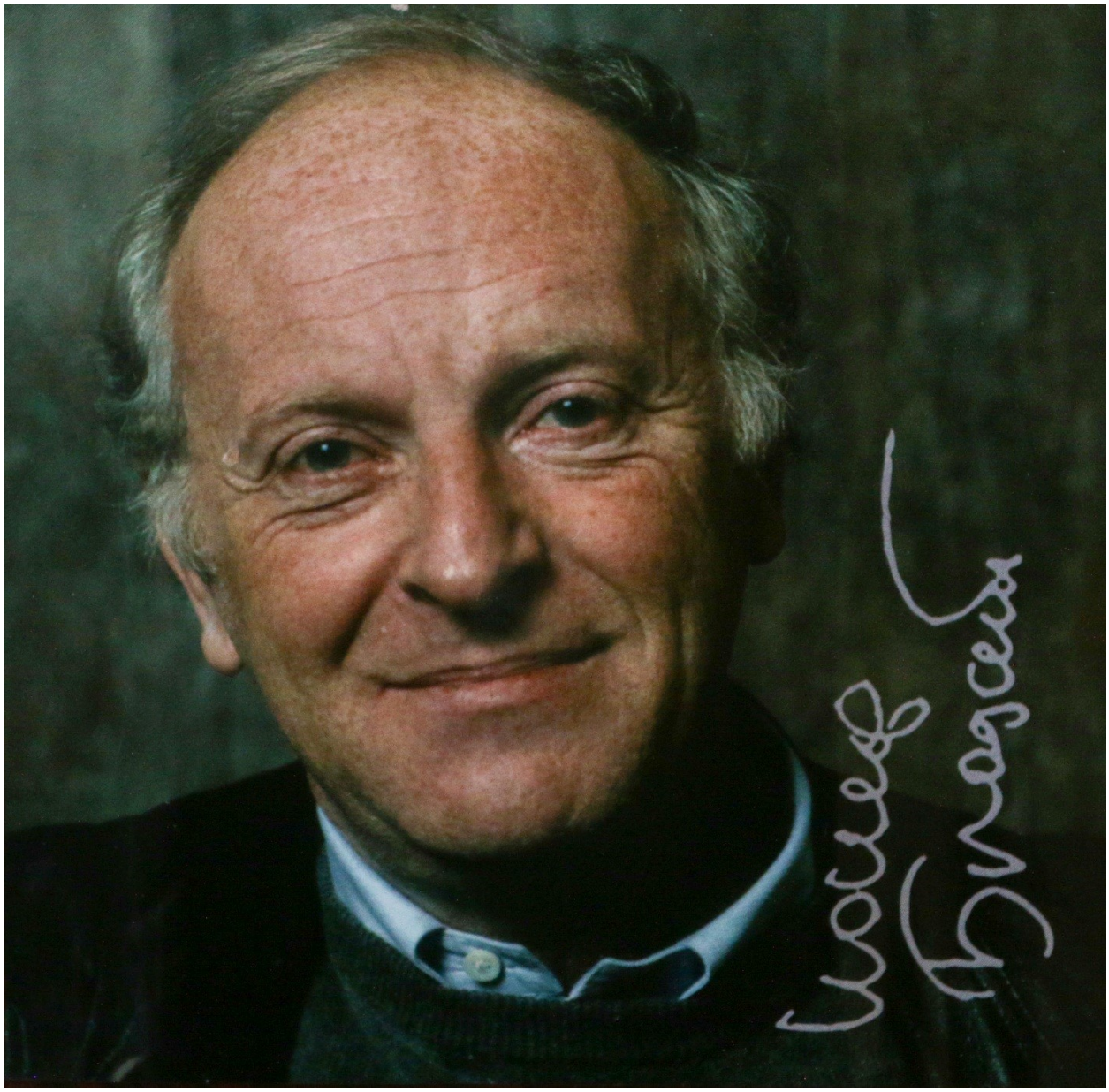
<u>Три эпизода с поэтом Бродским</u>

(глава из «Прощальных мемуаров советского журналиста»

Ионы Андронова)



Иосиф Бродский: «Я – еврей, русский поэт и американский гражданин».

Эта история началась для меня 24 августа 1979 года в тогдашнем Нью-Йорке. Вскоре после пяти часов пополудни все радиостанции и телевидение сообщили сенсационную новость: в городском аэропорту имени Джона

Кеннеди на взлетном поле несколько полицейских автомобилей оцепили вплотную шасси готового к отлету в Москву пассажирского советского лайнера ИЛ-62. Одновременно в аэропорт нагрянули экстренно свыше сотни вооруженных полицейских и офицеров спецслужб.

Причина чрезвычайного переполоха: среди 112 пассажиров лайнера «Аэрофлота», включая 35 американских туристов, находилась балерина Большого театра Людмила Власова, которую власти США сочли насильно депортированной отсюда в СССР сотрудниками советского генконсульства в Нью-Йорке. Накануне ее муж – заглавный танцор московского балета Александр Годунов почему-то в одиночку попросил здесь и получил политическое убежище.

В те дни многочисленная труппа балета Большого театра весьма успешно гастролировала в Нью-Йорке. Как вдруг – международный скандал!

Будучи бывалым репортером, я сразу же в своем авто помчался в аэропорт. Опасался, что не успею оказаться там в наиболее драматичные моменты конфликта и его умиротворения.

Ну, и никак, конечно, не мог предугадать, что этот авиакатаклизм растянется на три дня, и все это время я проведу в аэропорту. Получу для моей «Литературной газеты» уникальное интервью Людмилы Власовой. Ее фотография в самолете, моя тоже и мое имя будут соседствовать на страницах местных газет. А завершится все спецтелеграфным компромиссом между президентом США Джимми Картером и нашим генсеком ЦК КПСС и главой Верховного Совета СССР Леонидом Брежневым.

В советской печати лишь одна «Литгазета» смогла опубликовать мой подробно фактурный репортаж «Пиратство в Нью-Йорке» (29.08.1979). Прочие мои тамошние коллеги-газетчики растерялись, ибо не получили срочно инструкций из московских редакций – каким образом отреагировать на внезапный политскандал. Мне же этого не требовалось. «Литгазете»

дозволили свыше из Кремля действовать зачастую будто бы самовольно с целью хотя бы слегка ублажить духовно ее преимущественно интеллигентных читателей-подписчиков численностью в шесть миллионов.

Газеты «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Уолл стрит джорнал», нью-йоркские «Дейли ньюс» и «Дейли уорлд», русскоязычная «Новое русское слово» спешно огласили выдержки из моего репортажа в «Литгазете», процитировав особо и откомментировав один абзац о побеге Годунова:

«Еще три недели назад осведомленная «Дейли ньюс» выболтала, что группа провокаторов обхаживает солиста балета Александра Годунова, пытаясь склонить его к тому, чтобы он покинул труппу Большого театра и остался в США. Его буквально осаждала повсюду целая команда подстрекателей, суливших златые горы и море дармового виски».

Никаких американских контрфактов не огласили. Вместо того напечатали язвительные комментарии или брань. Солидная «Уолл стрит джорнал» (29.08.1979) поместила пространный опус персонально обо мне на двух полосах под заголовком: «Здешний советский ньюсмен крайне необъективен в его адресованных домой репортажах».

Эмигрантское «Новое русское слово» (31.08.1979) просто облаяло: «Корреспондент «Литературной газеты» Иона Андронов – советский борзописец».

Лишь 19 лет спустя появилось синхронно в Нью-Йорке и Москве единственное печатное опровержение моего давно позабытого, казалось бы, репортажного абзаца о нью-йоркском побеге звезды советского балета Годунова. Автором опровержения был… как ни удивительно!.. чуждый обычно политическим перебранкам и совсем по-иному знаменитый поэт Иосиф Бродский.

Причем его опровержение предали огласке только через два года после смерти поэта. Оно опубликовано в книге небезызвестного журналиста,

живущего в Нью-Йорке эмигранта из СССР, гражданина США Соломона Моисеевича Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским» (1998).

Вот это опровержение дословно:

«Соломон Волков: Советская «Литературная газета» доказывала, что Годунову задурили голову, что его уговорили остаться в США. Как там было написано, его «буквально осаждала повсюду целая команда подстрекателей, суливших златые горы и море дармового виски».

<u>Иосиф Бродский</u>: Вот уж чего, между прочим, точно не было. И чтобы его кто бы то ни было осаждал! И чтобы ему что бы то ни было сулили! То есть о виски – и речи не было. Со стороны Годунова это был прыжок в абсолютную неизвестность».

Кто такой поэт Бродский знает сегодня почти любой хоть мало-мальски образованный человек. А кто такой Соломон Волков – об этом осведомлены, пожалуй, в основном журналисты-международники, литературоведы, культурологи, профессиональные переводчики иностранных книг, их издатели, рецензенты.

Соломону Волкову 76 лет. В детстве и юности жил в Риге. Там же начал печататься в городских газетах. Затем также в Ленинграде и Москве. Заделался музыковедом. В Ленинграде вышла его первая книжка «Молодые композиторы Ленинграда». Перебрался в столицу и стал редактором журнала «Советская музыка», где напечатал немало своих статей и актуальных интервью.

В общем жил он безбедно, бесконфликтно с начальством, никто его не притеснял, но в 1976 году Соломон Моисеевич опять же беспроблемно эмигрировал «по еврейской линии». Однако не на «историческую родину». А в более привлекательный Нью-Йорк.

Там он быстро преобразился в ярого антисоветчика, издав книжно свои якобы рукописные записи конфиденциальных бесед с советским композитором и членом компартии Дмитрием Шостаковичем. Тот вроде бы только Волкову по секрету исповедался о своей личной ненависти к Сталину и правящим комунякам.

Родственники уже покойного Шостаковича объявили немедленно писанину Волкова фальшивкой, что нисколько, впрочем, не повредило популярности его дебюта на книжном рынке США.

И далее последовала аналогичная серия книжек и телефильмов интервьюера Волкова: «Диалоги с Владимиром Спиваковым», «Диалоги с Джорджем Баланчиным», «Диалоги с Евгением Евтушенко», переселившимся в США.

В 2018 года неугомонный эмигрант демонстративно приравнял в американской прессе проклятого им Сталина напрямик к Гитлеру и заодно оплевал зачем-то даже Александра Сергеевича Пушкина:

«Хотя Пушкин – наше все, я не хотел бы иметь Пушкина своим соседом, чтобы он пытался соблазнить мою жену или брал бы деньги в долг и не отдавал, задирался бы все время». *(Журнал «Этажи», Нью-Йорк, ноябрь 2018).*

Недавно умерший московский писатель и маститый публицист Владимир Бушин, почитав книжки Волкова, однажды возмутился очень эмоционально: «Соломон Волков – лютый антисоветчик. Он клеветник на русскую литературу и музыку. У него злоба, замешанная на невежестве. Ему хочется показать мерзость советской жизни. По всем данным он превзошел, сунул за пояс Геббельса». *(Газета «Завтра», 07.11.2013).*

Вместе с тем книга Соломона Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским» – бесспорный бестселлер в России. Хвалебное предисловие написано многолетним другом Бродского – питерским писателем и главным редактором

легендарного литжурнала «Звезда» Яковом Гординым. Его дружбой Бродский всегда дорожил: «Ленинградский литератор Яков Гордин – замечательный человек. Он был среди первых моих литературных знакомств».

Наряду с этим в предисловии друга Бродского высказана существенная оговорка:

«Иногда, когда речь заходит о реальной истории, суждения Бродского нуждаются в корректировке, так как он решительно предлагает свое представление о событиях вместо самих событий… Он воспроизводит прошлое как художественный текст. А когда в этом есть надобность, и конструируя ситуации. Это не обман – это творчество, мифотворчество. Перед нами – в значительной степени – автобиографический миф».

Между тем воистину совершенно реально Бродский действительно соучаствовал активно в скандальном побеге Годунова. Это редчайший случай в биографии поэта. В остальной его деятельности на протяжении четверти века житья в США он всячески чурался вовлечения в острые политические проблемы внутри Америки и особенно за ее пределами.

Тем самым Бродский как бы напоказ отвергал публичные упреки ему некоторых критиков за то, что его увенчали на Западе суперпочетной Нобелевской премией по литературе отнюдь не за гениальную поэзию, а за противоборство с покаравшими его коммунистическими владыками России. Так же, как Нобелевских лауреатов Пастернака, Солженицына, Сахарова.

В книге «Диалоги с Иосифом Бродским» магнитофонная запись рассказа поэта о своем содействии побегу Годунова воспроизведена на одиннадцати страницах. Из их повтора тут сокращена только риторика собеседников, но целиком сохранен весь перечень упомянутых поступков Годунова, Бродского и прочих персонажей нашумевшего события:

«Соломон Волков: Вы были вовлечены в один чрезвычайно нашумевший побег, имевший место здесь, в Нью-Йорке. Я говорю о побеге танцовщика Большого театра Александра Годунова. Как получилось, что Вы приняли участие в этой сенсационной истории? Как Вы узнали о побеге Годунова?

Иосиф Бродский: Я занимался какими-то своими делами. Переводил что-то. Жара. Сердце. Срочные дела. Поэтому я без особой радости отреагировал на незапланированный звонок одного своего приятеля. А приятель говорит мне: «Иосиф, знаешь какую-нибудь квартиру свободную за городом?»

Я с некоторым законным раздражением: «Понятия не имею».

Потом решил, что у чувака появилась баба. Нормальные дела… надо помочь… Спрашиваю: «Как скоро тебе надо?»

Он: «Вообще, чем раньше – тем лучше».

Ладно, я позвонил нескольким знакомым, у которых наличествует загородное жилье. Я перезваниваю приятелю: «Есть, надо только заехать за ключами по такому-то адресу».

Он, несколько неожиданно: «А не мог бы ты эти ключи привезти мне сам?»

Я стал догадываться, что происходит нечто менее регулярное, чем нормальные левые заходы ангажированного человека. И когда на мой вопрос: «Когда тебе нужны ключи?» тот ответил: «Сейчас!» – тут я окончательно сообразил, что происходит какая-то лажа с балетом. Потому что в голосе приятеля чувствовалось некоторое напряжение: в городе гастролировал в те дни балет Большого театра; чувак же этот был с балетными довольно сильно завязан. Заехал за ключами и отправился

к нему. Приезжаю: он мне – то се, пятое десятое: «Вот хочу тебе представить: Годунов».

Соломон Волков: И какова была Ваша реакция?

<u>Иосиф Бродский</u>: Я перед этим ничего о Годунове не слышал. Предстала передо мной фигура экстравагантная в полном смысле этого слова: вообрази себе всю эту массу, тяжелую челюсть, голубые глаза, блондин, длинные волосы – воплощение эстетики шестидесятых годов. Мне все это, честно говоря, не очень понравилось. Но постепенно привыкаешь…»

Стоп! Навязчиво напрашивается резонный вопрос: почему Бродский в как бы откровенном интервью для автобиографичной книги явно ради всеобщего многотиражного чтива засекретил ото всех имя своего «приятеля» и закадычного «чувака», который загодя «был сильно завязан с балетными» Большого театра и спрятал первым сбежавшего оттуда к нему Годунова?

Почему не спросил о том же критикан моего репортерства любознательный Соломон Волков?

Что ж, приходится ему и его читателям запоздало напомнить теперь, что законспирированный Бродским и Волковым первоначальный совратитель и укрыватель балетного перебежчика – это бывший московский фотограф и давно известный в 70-х годах среди «балетных» Большого театра заядлый гомик Владимир Блиох.

Он эмигрировал в Америку по «еврейской линии» в 1976 году. Познакомился в Нью-Йорке с Бродским, который был в отличие от Блиоха традиционным женолюбом, хотя арендовал квартиру в богемном микрорайоне Гринвич Виллидж, где процветали ночные клубы, дансинг и интимные киношки геев и лесбиянок.

Чуждый гомофобии Бродский все же не захотел, очевидно, заподозрить себя публично в симпатии к мужеложеству. Посему в книжной автобиографии и превратил балетного приятеля-чувака в безымянного анонима.

Блиох еще до эмиграции общался в Москве с Годуновым и фотографировал его балетные выступления. В Нью-Йорке навестил Годунова и его жену-балерину Людмилу Власову в их люксе престижного отеля «Мейфлауэр». Зачастил на гастрольные спектакли супругов, заснял множество их танцев и восторженных оваций американских театралов, щедро дарил пачки ярко цветных фото Годунову и Власовой с припевом слащавых комплиментов. Об этом впоследствии Власова рассказывала через несколько лет после тех нью-йоркских гастролей летом 1979 года:

«Мы тогда отправились на гастроли в Америку. Там вскоре я обратила внимание на группу людей, которые вились вокруг моего Саши и почувствовала: ведется обработка. Основную роль в ней сыграл фотограф Блиох. Он делал потрясающие фотографии для нас с Сашей. А потом предал.

Этот Сашин поклонник был большим пронырой, он никогда не упускал случая, чтобы поагитировать за жизнь в Америке, сулил Годунову карьеру великого и свободного танцовщика.

Мне намекал: мол, с такой внешностью и талантом масса возможностей за океаном – сниматься в Голливуде, стать моделью. Параллельно Блиох не забывал щелкать затвором фотоаппарата, запечатлевая звезд советского балета для истории.

Когда мы с Сашей танцевали порознь, то каждый раз после спектакля меня встречал Саша, а ему фотограф говорил:

- Опять ждешь Милу? Давай лучше посидим, поболтаем.

Однажды Блиох предложил:

- Давай заглянем к моим хорошим знакомым. Когда Мила придет со спектакля, мы ее заберем!

Это случилось в конце наших гастролей. У Саши выдались три свободных дня. В один из тех дней я вернулась в наш номер – а Саши нет. Нет ни записки, ничего! А все вещи на месте. Саша ушел только в джинсах и в майке. Даже паспорт не взял. Сердце мое упало. Но я никому ничего не сказала. Все звонили, спрашивали Сашу…

В конце концов пришлось вызвать нашего завгруппой и все ему рассказать.

Уже потом я узнала, что наш «друг Блиох» привел Сашу к каким-то людям. И началось застолье. Саше подливали, подливали, а может еще и подсыпали. Он много выпил и был в неподобающем виде, а Блиох все это заснял и поместил в газете. Успел нажиться. В американской прессе появилась фотография, на которой пьяный Годунов спит среди пустых бутылок. Расчет был прост: после такого его карьере наступил бы конец. По тем временам это означало, что Саша стал невозвращенцем.

Когда Саша пришел в себя, было уже утро. Ситуация чудовищная. Они вынудили его остаться. Уверена, намерения бежать у Годунова не было. Его просто подставили…

Спустя несколько недель он позвонил из Америки мне домой в Москву и сказал:

– Я тебя не предавал!

– Знаю.

Он заплакал.

Естественно, наши разговоры прослушивались».

(«Аргументы и факты» 26.11.2008 «Александр Годунов – Ромео из СССР». Авторский текст Людмилы Власовой. /Журнал «7 Дней» 09.04.2012. Воспоминания Людмилы Власовой).

Этот снимок Годунова загнал Блиох дуплетом таблоидам «Нью-Йорк пост» и «Дейли ньюс».

Блиох не был на самом деле изначальным инициатором и самостийным похитителем звезды советского балета. Среди антисоветских эмигрантов в Нью-Йорке он был лишь заурядным наймитом внешнеполитической контрразведки Федерального бюро расследований США.

Контрразведка ФБР осуществляла слежку за здешними представителями иностранных учреждений и действовала временами весьма напористо и коварно против тех советских граждан, которые казались малостойкими в ту пору ожесточенной «холодной войны» двух враждебных супердержав. Аполитичные с виду российские балеруны, поглощенные между спектаклей ненасытным нью-йоркским шоппингом, выглядели заманчиво для хитроумного трюка с замыслом агентурной вербовки…

Из воспоминаний Людмилы Власовой: «Наш люкс был завален подарками поклонников и покупками: одеждой, навороченными музыкальными системами. Мы, как и все балетные, покупали вещи не только для себя, но и на продажу. Систему продашь – машину купишь. Приобретения мы отправляли домой морем в контейнерах».

(Журнал «7 Дней». 09.04.2012. «Ромео и Джульетта холодной войны». Автор Людмила Власова).

Нелегальная спекуляция – повод для шантажа ради вербовки. Это старались предотвратить прикомандированные в Москве к загрангастрольному балету так называемые «искусствоведы в штатском» – оперативники контрразведки КГБ в театральных амплуа «администраторов», «завхозов труппы», «зама руководителя гастролей».

Им подчинялись полдюжины танцоров-сексотов КГБ, то бишь, попросту, стукачей. Один из них – танцор балета Большого театра Семен Кауфман – опубликовал на старости лет мемуары в 2018 году «Одна жизнь – две судьбы». Ему поручили на американских гастролях следить за Годуновым и Власовой. Этого он отныне не скрывает:

«1979 год. Это, пожалуй, самая черная страница в истории балета Большого театра. На гастролях мы потеряли трех ведущих исполнителей, и в первую очередь Александра Годунова, который остался в Нью-Йорке, а в последний день гастролей – Леонида Козлова с женой Валентиной. Они тоже остались в Лос-Анджелесе. Их просто купили, предложив приличные деньги. Они раньше других поняли, что значит «рыночная экономика».

Мне пришлось быть свидетелем, а отчасти и участником этих событий. Так что, как говорится, это – рассказ из первых уст.

Высокий, фактурный, атлетически сложенный, прекрасно оснащенный технически Годунов был премьер по всем параметрам.

Предположение, что он рано или поздно останется, витало в воздухе. В то время на Западе уже обосновались Рудольф Нуриев, Михаил Барышников, Наталья Макарова. Ведущие премьеры-ленинградцы Мариинки. Нас Бог миловал.

Отработав цикл спектаклей, Годунов получил паузу для отдыха. Пауза превратилась в загулы со своими и с американскими друзьями-«доброжелателями». Больше мы его не видели. Годунов в гостиницу не вернулся!

Вскоре газеты вышли с фотографиями, на которых пьяный Годунов спит на полу в квартире одного из своих «доброжелателей». Спустя несколько лет я прочитал в одной из наших газет, что ночевал Александр Годунов на квартире у Иосифа Бродского – выдающегося русского поэта, высланного в свое время из России.

Надо было что-то решать с Власовой. Они должны были остаться оба. Но в тот злополучный день, когда мы с Годуновым виделись в последний раз на балете «Спартак», они крепко поссорились, и Александр не дошел до гостиницы.

И вот, «администратор» собирает группу из физически и морально крепких артистов и просит нас блокировать подходы к номеру, где находится Власова, до того момента, пока за ней не приедут из советского представительства. Мне поручено остаться с ней. Получаю приказ:

– Только через твой труп она может покинуть номер!

Сейчас легко об этом рассказывать. А тогда было по-настоящему страшно. Забаррикадировался я в буквальном смысле этого слова. Мила находилась в полной прострации. Лежала в другой комнате, не выходила, не разговаривала.

Наконец раздался условный стук в дверь. Разбираю завалы. Входят «администратор» и с ним группа людей. Предлагают Миле быстро собраться. Она, двигаясь как сомнамбула, собирает чемоданы. Кто-то говорит:

– Надо скорее выбираться из гостиницы.

Уже поздно ночью «администратор» рассказывает некоторые подробности перевоза Власовой в аэропорт».

Достоверность американских реминисценций бывшего сексота КГБ Кауфмана подтверждает отчасти в Интернете современная Википедия: «Уже в первые дни пребывания в Америке Годунов начал разговоры с женой на тему невозвращения в Советский Союз». *(«Инцидент с ИЛ-62 в Нью-Йорке»)*

Двухкомнатный люкс Годунова и Власовой в отеле «Мейфмауэр» был наверняка нашпигован «жучками» потайной прослушки ФБР и КГБ.

В итоге получается, что Людмила Власова, быть может, позабыла кое-что.

Так или иначе, но сейчас одно обстоятельство побега Годунова несомненно: он пьяный не дрых ночью на полу квартиры Бродского, вопреки газетной московской сплетне, а стал уже покорным трофеем ФБР с помощью Блиоха, когда тот попросил Бродского опекать дальше беглую знаменитость. Респектабельный поэт-интеллектуал понадобился контрразведке в качестве ширмы шпионской акции с неприличным участием агента-педика.

Опять напрашивается вопрос: зачем добропорядочный поэт согласился поспособствовать интриганам внешнеполитического скандала?

Бродский поведал своему биографу Соломону Волкову, что провел неотлучно с Годуновым и, как выразился Бродский, с «ребятами из ФБР» четыре дня подряд. Сперва Годунов, Бродский и «двое из ФБР» в департаменте

иммиграции оформили документально просьбу беглеца о политическом убежище. «Я переводил», – уточнил Бродский.

А затем, когда в аэропорту Людмиле Власовой не позволяли американцы трое суток улететь домой, то Бродский с «эскортом ребят из ФБР» привез в гостиницу возле аэровокзалов Годунова и поселил там. Всем этим Бродский уже верховодил и даже диктовал Годунову что тому говорить или подписывать:

– Ведь я был, как бы это сказать, устами, которыми Годунов глаголил, – изрек Бродский горделиво Волкову. – Не просто рупором. В конце концов, у меня в голове что-то происходило.

Что же конкретно «происходило» тогда в его голове? Умолчал. Остается догадываться.

К лету 1979 года русскоязычный поэт-эмигрант Иосиф Бродский, прожив в США уже семь лет, был практически неизвестен почти всей американской публике, проявляющей интерес к художественной литературе, включая поэзию. Он зарабатывал на жизнь в провинциальном Мичиганском университете своими лекциями студентам-филологам о наилучших писателях России, поэтах и вообще об истории русской литературы. Бродский овладел английским языком еще в родном Ленинграде.

В Америке только за счет стихов не могут самообеспечиться денежно даже наиболее талантливые поэты. Тем более приезжий иноземец.

Бродский после триумфального обретения в 1987 году Нобелевки (340 тысяч долларов) смог наконец-то купить себе, жене и дочке хорошую квартиру и автомобиль, но вынужден был даже предсмертно больной, до последнего дня преподавать неподалеку от Нью-Йорка в городке Саут-Хадли студентам местного университета.

Когда он в 1979 году перебрался из Мичигана в Нью-Йорк и арендовал в нефешенебельном Гринвич Виллидж на улочке Мортон скромную двухкомнатную квартиру, то ее владелец потребовал авансировать депозит – три тысячи долларов, которых не было у Бродского. Выручил богатый меценат и издатель его первого прозаичного литэссе Роджер Штраус. Он спросил:

– Скажи, бэби, сколько тебе надо?

И подарил. В ту подарочную квартирку и позвонил Бродскому 21 августа 1979 года агент ФБР Блиох.

Мечтавший прославиться своей поэзией бедноватый стихотворец понадеялся, вероятно, привлечь к себе общественное внимание хотя бы косвенным образом – публичным соучастием в сенсационном событии. Если это было так, то и впрямь имя Бродского и фотоснимки его с Годуновым обильно замелькали в августе 1979 года во многих газетах. Однако повсюду именовали поэта всего-навсего «переводчиком».

Международную славу он снискал по-настоящему заслуженно восемь лет спустя.

Годунов и Бродский на пресс-конференции
29 августа 1979 года в Нью-Йорке

Продолжение часть 2